

Предисловие

В данной книге мы исследуем мотивы государств, а именно: имеет ли великая держава «ревизионистские» намерения, и если да, то какие стратегии она может использовать для реализации своих ревизионистских планов. Концепция ревизионизма (или ее противоположность — приверженность государства статус-кво) является важнейшей частью исследований в области международных отношений. Так, например, теория перехода власти утверждает, что системная война может произойти тогда, когда «ревизионистская» восходящая держава-соперник поднимается, чтобы бросить вызов «статус-кво» гегемону. Несмотря на важность этой концепции, до последнего времени она оставалась без внимания ученых. Особенно актуальной и своевременной темой для систематического исследования является усиление позиции Китая в последние годы.

В этой книге, пользуясь аналитическими методами, мы рассмотрим различные аспекты ревизионизма, обсудим историческое происхождение и эволюцию различных типов ревизионистских государств и их стратегий. Мы выделим «жесткие» и «мягкие» стратегии изменения международного порядка и представим различные способы поиска институциональных изменений, иллюстрируя их на примере поведения Китая и США. В отличие от большинства других предшествующих исследований Китая, мы не анализируем эту страну как изолированный случай, а стремимся понять ее посредством сравнения в контексте истории других великих держав. Более того, мы разрабатываем различные эмпирические показатели, позволяющие проследить, как менялось внешнеполитическое поведение Пекина и Вашингтона с течением времени, что позволяет предположить изменения в их

соответствующей внешнеполитической мотивации (или намерениях, или ориентации). Это исследование имеет отношение к таким теоретическим дискуссиям, как вопрос о том, станет ли растущая держава более ревизионистской по мере обретения ею большей мощи (как склонен утверждать наступательный реализм) и будет ли правящий, хотя и ослабевающий гегемон непоколебим в своей приверженности международному порядку и его защите (как склонна утверждать теория перехода власти).

Мы же утверждаем, что «жесткие» ревизионистские стратегии, направленные на военное завоевание и доминирование, становятся все менее вероятными среди современных великих держав, характеризующихся взаимным ядерным сдерживанием, а также экономической взаимозависимостью. Поэтому вызовы Китая существующему международному порядку с большей вероятностью примут форму «мягкой» стратегии опять же с мягкими попытками проведения институциональных реформ и сопротивления. Развив и детализировав идею ревизионизма концептуально, теоретически и эмпирически, мы завершим книгу рядом политических рекомендаций, которые должны способствовать укреплению международной стабильности и снижению напряженности в китайско-американских отношениях. Усиление стратегического соперничества и даже вражда между Китаем и США в период пандемии ковид-19 предвещает новую холодную войну. Мы надеемся, что эта книга углубит наши представления о ревизионизме в теории международных отношений, прольет свет на динамику изменения международного порядка и предложит некоторые варианты того, как можно мирно урегулировать ситуацию, возникшую между США и Китаем в XXI веке.

Мы благодарны двум анонимным рецензентам за их конструктивные замечания и предложения, которые помогли определить и отточить наши аргументы в этой книге. Кай Хэ и Хуэйюнь Фэн благодарят Австралийский исследовательский совет (ARC) [Grant IDs: FT 160100355 и DP210102843] и Корейский фонд (предоставивший грант на исследования политической тематики) за финансовую поддержку, Вэйсин Ху благодарит Университет Макао за гранты UMDF (Фонд развития Университета Макао),

SRG2019-00183-FSS и CPG2020-00027-FSS. Наконец, мы все благодарим Дэвида Макбрайда, главного редактора отдела социальных наук издательства университета Оксфорда (Oxford University Press), за его терпение и помощь в успешном завершении этой работы.

Стив Чан — заслуженный профессор колледжа при Университете штата Колорадо в Боулдере; Хуэйюнь Фэн — старший преподаватель международных отношений в Школе государственного управления и международных отношений Университета Гриффита, Австралия; Кай Хэ — профессор международных отношений и директор Центра управления и государственной политики Университета Гриффита, Австралия; Вэйсин Ху — заслуженный профессор UMDP и декан факультета социальных наук Университета Макао.

Глава 1

Логическое обоснование и аргументы

Концепция власти занимает важное место в дискурсе международных отношений, например в теориях баланса сил, перехода власти и циклов власти. Однако анализу мотивов государств, побуждающих их стремиться к власти и использовать для этого ту власть, которой они уже обладают, уделяется недостаточно внимания. Иными словами, большее внимание в международных исследованиях уделялось скорее структурным свойствам международной системы, которые определялись по итогам распределения власти между государствами, чем деятельности их лидеров по созданию условий для достижения таких результатов, как война и мир. Мотивацией для создания этой книги послужила обеспокоенность, вызванная вопросами происхождения и эволюции внешнеполитических намерений лидеров, или, если угодно, их внешнеполитических мотивов и планов. Кроме того, нас интересует, каким образом великая держава может реализовать свой ревизионистский план в современных условиях.

Мы подчеркиваем основное различие между способностью (или полномочиями) государства проводить определенную политику, с одной стороны, и его намерением или мотивацией к ее проведению, с другой. Если наиболее важным фактором, определяющим их поведение, была бы относительная сила государств, большинство из них должны были или встали бы на сторону Советского Союза, а не Соединенных Штатов, поскольку в холодной войне наиболее слабой из двух сверхдержав был Совет-

ский Союз. Согласно логике теории баланса сил [Waltz 1979], большинство крупных и мелких государств присоединились к Соединенным Штатам, чтобы противостоять Советскому Союзу, решив не балансировать против страны, обладающей наибольшей силой (а именно, Соединенных Штатов). Согласно этой теории, все государства имеют одинаковую мотивацию или намерение заниматься обогащением и поэтому им рекомендуется — более того, от них ожидается, что они будут балансировать против сильнейшего среди них, поскольку именно он представляет для них наибольшую угрозу. И все же, вопреки этому совету и ожиданиям, поведение большинства государств во время холодной войны отражало их большую озабоченность возможным намерением Москвы использовать свою мощь для нанесения им вреда, а не фактом того, что Соединенные Штаты были более могущественной страной [Walt 1987]. Однако наличие возможности сделать что-то (например, средств для покупки дома) еще не говорит о том, что человек это обязательно сделает. Точно так же наличие возможности нанести ущерб другому государству не означает, что у этого государства есть намерение (или мотивация) сделать это. Как верно отметил Васкес, «вывод о том, что если есть возможность воевать, то будет и мотивация для войны, слишком поверхностен» [Vasquez 2009: 99–100]. Если сформулировать этот тезис иначе, то для того, чтобы объяснить поведение того или иного государства, необходимо учесть как его «возможность» (или способность), так и его «готовность» (или мотивацию) [Most, Starr 1989]. Оба эти условия необходимы для анализа его действий.

Интерес исследователей международных отношений к перестановке сил между государствами проистекает из представлений о «возможностях» или, наоборот, ограничениях диапазона осуществимых вариантов политики, из которых могут выбирать лидеры. То, как лидеры будут выбирать из этих вариантов, зависит от их «готовности» или мотивации. Разумеется, у лидеров или государств, которые они представляют, могут быть самые разные мотивы. Так, например, американский политолог Нед Лебоу [Lebow 2010] упоминает страх, интерес, статус и месть

в качестве возможных мотивов, которые могут подтолкнуть государства к войне. Эти мотивы могут отражать как сознательные расчеты, так и бессознательные психологические импульсы, и они не обязательно являются взаимоисключающими. Но наша главная мысль здесь заключается в том, что нам необходимо связать структурные свойства на системном уровне анализа с мотивами или стимулами, существующими на уровне общества, группы или индивида. Само по себе межгосударственное распределение власти (структурная переменная) не может объяснить нам причины, по которым государства ведут себя так или иначе. Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо понять их мотивацию, а также факторы, которые эту мотивацию формируют [Gries, Ying 2019]. Какие механизмы перехода власти связывают изменения на уровне системы международных отношений с выбором и разработкой политики чиновниками на индивидуальном или групповом уровне анализа? До сих пор это оставалось важнейшим недостающим звеном в рассуждениях о так называемой ловушке Фукидида [Аллисон 2019]. Хотя Фукидида часто цитируют, говоря, что страх спартанцев перед возвышением Афин был «неизбежной» причиной Пелопоннесской войны, сторонники этой точки зрения не проводили систематических исследований, чтобы изучить, как изменения в политических отношениях государств повлияли на эмоции соответствующих лидеров (вызвав у них, например, зависть, беспокойство, высокомерие, чрезмерную самоуверенность в дополнение к страху), их восприятие и суждения.

Традиционные подходы к решению вопроса о мотивации государств оказались неэффективными. «Оборонительные реалисты» полагают, что всеми государствами движет первостепенная забота об обеспечении своей безопасности и условий выживания в анархическом мире [Waltz 1979], в то время как «наступательные реалисты» утверждают, что все государства по своей природе агрессивны и ими движет желание доминировать над другими [Mearsheimer 2001]. Теоретики, изучающие процессы смены власти, наделяют государства различными мотивами в зависимости от их относительной силы. Они утверждают, что могуще-

ственные устоявшиеся государства привержены международному статус-кво, в то время как только восходящие державы, как правило, недовольны существующим международным порядком и заинтересованы в его изменении [Organski, Kugler 1980]. Как следует из этих примеров, ученые, изучающие международные отношения, обычно рассматривают мотивы или намерения государств путем риторического утверждения (или предположения), а не глубокого анализа.

Фукидид указывает на страх спартанцев перед возвышением Афин как на причину Пелопоннесской войны, предполагая, что чувство тревоги, незащищенности и даже паранойи доминирующей державы является движущим мотивом для начала войны. В отличие от Фукидида, сторонники теории перехода власти возлагают ответственность за развязывание войны на жадность и амбиции восходящей державы, поскольку они предполагают, что ею движет желание сместить действующего гегемона и нарушить существующий международный порядок. Таким образом, они дают совершенно иное объяснение происхождения войны, чем Фукидид.

Страх также является доминирующей мотивацией, лежащей в основе теории оборонительного реализма, сосредоточенной на том, как государства, заинтересованные в самосохранении, будут вести себя в условиях анархичности системы [Waltz 1979]. В соответствии с представлениями наступательного реализма — который ожидает от государств расширения и агрессии, когда они получают больше власти или когда они уже занимают доминирующее положение, — основными мотивами являются жадность и амбиции [Mearsheimer 2001]. Последнее замечание, в свою очередь, поднимает вопрос о том, почему следует ожидать, что растущая держава (например, Китай) станет более агрессивной, чем устоявшаяся доминирующая держава (например, США), если обычно ожидают, что именно сильная (или более сильная) страна будет расширяться за счет других (здесь предполагается, что абсолютно все государства мотивированы стремиться к большей власти, и, следовательно, будут ли они вести себя агрессивно или нет, зависит не от их желания, а от их возможности).

Наконец, и оборонительный, и наступательный реализм предполагает, что государства будут балансировать против сильнейшего из них: такая ситуация равновесия сил способствует большей международной стабильности (если не миру). Если это так, то приверженцам этих направлений следует радоваться перспективе достижения Китаем паритета с Соединенными Штатами, поскольку такое развитие событий должно предвещать более стабильные международные отношения. Однако теория перехода власти (и ловушка Фукидида) выдвигает противоположное утверждение, предполагая, что риск войны растет параллельно той скорости с какой восходящая держава догоняет правящую. Современный дискурс в международных отношениях имеет тенденцию игнорировать вышеобозначенные важные вопросы. Она редко сталкивается с напряженностью и даже противоречиями в различных теоретических позициях и между ними, и иногда мы даже можем обнаружить, что эти несовместимые взгляды принимаются одновременно в одном и том же исследовании¹.

В этой книге мы сосредоточимся на концепции ревизионизма, которая подразумевает наличие у государства намерения изменить или свергнуть международный порядок. В современной литературе в целом неясно, что входит в понятие «международный порядок» и на какие факты следует обращать внимание при оценке ревизионистских или статус-кво намерений того или иного государства. Более того, в ней намерения (или мотивы, или характеристики) государств описываются бинарным образом. Так, классические ученые приняли такие дихотомические категории, как «статус-кво государства» против империалистических государств [Моргентау 1997], «сытые» против «голодных» [Schuman 1948], «удовлетворенные» против «неудовлетворенных» [Karr 2002], «статус-кво государства» против революционных государств [Kissinger 1957] и «статус-кво государства» против ревизионистских государств [Wolfers 1962]. Эта практика отне-

¹ Полезный обзор литературы о традиции баланса сил см. в [Nexon 2009].

сения государств к одной из дихотомических категорий (в отличие от их оценки по шкале или в совокупности) сохранилась и по сей день. Более того, эти дихотомические ярлыки часто используются в качестве кодовых слов с ценностной нагрузкой, чтобы обозначить явное предпочтение аналитика к статус-кво и (столь же явное) неодобрение попыток его изменить (или пересмотреть). Таким образом, в преобладающем дискурсе ощутим уклон в сторону статус-кво, несмотря на то что «международный порядок» не всегда способствует достижению равенства и справедливости, сохранению человеческого достоинства или даже мира, и также несмотря на то, что сторонники теории перехода власти² открыто признают, что «правила игры» в иерархическом мире международных отношений подтасованы в угоду интересам устоявшихся держав.

Как отмечают Тернер и Нималм, такие термины, как «статус-кво», «ревизионизм» и «международный порядок», часто можно встретить в политически сконструированных нарративах, отделяющих Запад от не-Запада и соотносящих первый с моралью и прогрессом, а второй — с их отсутствием [Turner, Nymalm 2019]. Эта тенденция ярко проявляется, даже несмотря на то, что, как предполагают эти авторы и как мы продемонстрируем позднее в нашем анализе, во многих отношениях именно Европейский союз и Соединенные Штаты вели себя как ревизионистские государства, а не Китай. Эта же тенденция привела к тому, что слова стали употребляться вопреки их общепринятому значению, и теперь можно столкнуться со странным явлением, когда Китай называют ревизионистским государством, хотя он декларирует свою приверженность традиционным вестфальским принципам государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран, и наоборот: Соединенные Штаты называют державой статус-кво, притом что они часто участвуют в иностранных военных интервенциях и открыто способствуют смене режимов за рубежом.

² Например, [Gilpin 1981; Organski 1958; Organski, Kugler 1980].

Как мы еще не раз подчеркнем далее, международный порядок всегда находится в движении [Buzan 2018; Goh 2019]. Он постоянно оспаривается и поэтому не является решенным вопросом, требующим всеобщего понимания и согласия, как это часто подразумевается в существующей литературе (где аналитики могут делить государства на «ревизионистские» и «статус-кво государства»), особенно потому, что в различных проблемных областях сосуществуют многочисленные и противоречивые нормы и принципы управления [Foot, Walter 2011; Johnston 2019]. Однако мы полагаем, что значение международного порядка, принимаемого государствами, эволюционирует с течением времени в ходе непрерывного процесса переговоров и перезаключения соглашений между ними, при этом часто сталкиваясь на своем пути с категорическим несогласием. Важно также признать, что государства могут действовать в защиту одних существующих норм, правил и институтов международного порядка, одновременно пытаясь реформировать, подорвать или заменить другие. Поэтому нет ничего необычного в том, что одни государства иногда расходятся во взглядах с другими государствами в вопросе о том, что представляет собой международный порядок. Согласно этим взглядам, большинство государств действуют в серой зоне между полным принятием норм, правил и институтов международного порядка и их полным отрицанием. Ничто не мешает им, поддерживая одни элементы господствующего международного порядка, возражать против других или сопротивляться им. Они являются создателями норм, которые могут одновременно играть и в защите, и в нападении. Эта точка зрения предполагает, что нецелесообразно разделять государства на дихотомические категории «ревизионистов» и «не-ревизионистов». Государства также могут быть «избирательными ревизионистами» [Medeiros 2019] в том смысле, что они не всегда последовательны в применении своих провозглашенных принципов: например, Китай может исповедовать невмешательство во внутренние дела других стран, за исключением случаев апартеида в Южной Африке и расистской Родезии, а США могут продвигать гуманитарную интервенцию, за исключением случаев гено-

цида в Руанде, и выступать против вооруженной оккупации (такой, как аннексия Ираком Кувейта), за исключением случая захвата Израилем арабских земель.

Мы также утверждаем, что ревизионизм не должен использоваться как уничижительный термин для обозначения неприятия какого-либо государства или его политики. Иногда аналитик может согласиться или поддержать ту или иную политику, даже если она является глубоко ревизионистской, подрывая и оспаривая при этом существующие «правила игры» в международных отношениях. Внедрение и распространение таких идей и концепций, как «преступления против человечества и мира», «ответственность по защите» и «превентивная война», являются примерами попыток США и западных стран перекроить нормы, правила и институты существующего международного порядка. Есть и другие примеры, такие как кампании стран Глобального Юга по продвижению «нового международного экономического порядка» и по борьбе с апартеидом и другими формами расовой дискриминации (формами, которые когда-то были оправданы и узаконены «международным порядком»).

Наконец, мы не согласны с распространенной в современной литературе тенденцией приравнивать понятие «международный порядок» к понятию «существующего распределения власти между государствами» или «предполагать, что [международный] порядок и интересы гегемона или доминирующего государства взаимно определяют друг друга» [Johnston 2019: 12]. Таким образом, эта тенденция рассматривает любую попытку любого государства — кроме гегемона — улучшить свое международное положение как нарушение международного порядка и приводит к тому, что любой конфликт, возникший между государством и гегемоном, рассматривается как вызов всему международному сообществу. Кроме того, эта тенденция, смешивая международный порядок и интересы гегемона, исключает также по определению и любые соображения о том, что доминирующее государство может действовать не в соответствии с международным порядком (или порядками) в общепринятом понимании остальных членов международного сообщества.

Зачем исследовать ревизионизм? И почему мы не согласны с тезисами изучающей эту область литературы?

В последнее время тема ревизионизма привлекает к себе все больше внимания исследователей международных отношений³. Это общее признание среди ученых выделяет основную точку зрения, согласно которой бессмысленно и даже ошибочно интересоваться только изменением соотношения сил государств, не обращая внимания на их соответствующие намерения или их соответствующие внешнеполитические мотивы и планы. Чем руководствуется государство при использовании своей власти? Этот вопрос важен потому, что, например, чиновники должны реагировать по-разному в зависимости от того, чем руководствуются их коллеги — страхом или жадностью [Davis 2000; Schweller 1994]. В одном случае уместным ответом должно быть заверение, а в другом — сдерживание. Этот вопрос актуален и своевременен в контексте резкого развития Китая в недавнем прошлом. Чего захочет более могущественный Китай и, следовательно, что он будет делать [Legro 2007, 2015]? В зависимости от ответа на этот вопрос другие государства могут проводить различную политику в отношении Китая, например уступки против конфронтации, вовлечение против сдерживания, заверения против сдерживания.

Определить мотивацию или намерения другого государства, конечно, сложно [Chan 2017]. Существует постоянная опасность того, что партнер может пойти на стратегический обман, чтобы намеренно ввести в заблуждение и дезинформировать. Более того, как любят напоминать реалисты, намерения государства могут измениться в будущем. Даже если мы доверяем нынешним лидерам другого государства, можем ли мы рассчитывать на то, что их будущие преемники останутся верны их обещаниям? Поэтому попытки определить намерения государств представляются реалистам безнадежным занятием. По словам Миршай-

³ Например, таких как [Behravesch 2018; Breuer, Johnston 2019; Chan et al. 2019; Cooley et al. 2019; Davidson 2006; Goddard 2018a; Goddard 2018b; Hurd 2007; Johnston 2003; Murray 2019; Ren 2015; Thies 2015; Thies, Nieman 2017; Turner, Nymalm 2019; Wilson 2019; Xiang 2001].

мера, «государства никогда не могут быть уверены в намерениях других государств. В частности, ни одно государство не может быть уверено в том, что другое государство не использует свой наступательный военный потенциал для нападения [на других]» [Mearsheimer 2001: 31]. Розато согласен с тем, что мы не можем сделать вывод о намерениях государств на основе их заявлений, поведения или институтов [Rosato 2014/2015]. Эта точка зрения подразумевает, что государства должны всегда предполагать худшее о других и вести себя в соответствии с максимой «лучше обезопасить себя, чем сожалеть о том, что не сделал этого».

Этот совет может привести к самовнушению. Если вести себя так, будто другая сторона настроена враждебно, собственные действия могут вызвать у нее враждебный ответ. Как заключают Макдональд и Парент⁴, «наибольшую опасность может представлять не сам предстоящий китайско-американский переход, а широко распространенное убеждение, что он делает войну более вероятной». Если обе стороны ведут себя так, будто другой стороне нельзя доверять, их действия приводят к неоптимальному результату, заставляя их терять выгоды, которые они могли бы получить в случае сотрудничества [Axelrod 1984; Jervis 1978]. То, что намерения государства могут меняться, также означает возможность позитивной эволюции, например, когда оно переходит от оспаривания к поддержке международных норм и институтов. Эта возможность, в свою очередь, предполагает, что у государств иногда есть стимул сотрудничать с другими в надежде, что они смогут повлиять на будущие намерения последних [Edelstein 2002]. Например, это был распространенный аргумент, выдвигаемый американскими чиновниками и учеными, выступающими за взаимодействие с Китаем.

Мы также считаем, что мнение многих реалистов о невозможности определить намерения государств слишком пессимистично. Хотя всегда существует неопределенность в вопросе будущих намерений государств, это не означает, что государства совершенно беспомощны в попытках сообщить о своих намерениях

⁴ См. [MacDonald, Parent 2018: 10].

другим или уменьшить неопределенность в собственных суждениях о намерениях других⁵. Например, включенность современной Германии в институты Европейского союза и Организации Североатлантического договора (НАТО) говорит о том, что ей будет очень сложно и дорого вернуться к милитаризму. Тревожные звонки прозвучат задолго до того, как Берлин сможет отказаться от своих обязательств, и такой поворот курса наверняка встретит активное сопротивление внутри страны. Вхождение Китая в трансграничные производственные цепочки, многосторонние финансовые соглашения и, в более широком смысле, его политика участия в глобализации и рыночных реформах также встретят сильное сопротивление со стороны заинтересованных сторон внутри страны, которые пострадают, если произойдет разворот политики. Поэтому не совсем верно утверждение о том, что чиновникам ничто не мешает изменить свое мнение.

В той мере, в какой многие эмпирические показатели указывают на один и тот же вывод о намерениях государства, и в той мере, в какой эти показатели предполагают дорогостоящие инвестиции в его репутацию и институциональные обязательства, они обеспечивают более надежные сигналы, чем просто «пустые разговоры» [Fearon 1995, 1997]. Последние исследования показывают, что даже «пустые разговоры» могут быть весьма информативными для раскрытия намерений и стратегий государств⁶. На самом деле, если бы чиновники действительно верили в то, что невозможно разгадать чужие намерения и что все государства одинаково враждебны и не заслуживают доверия, они бы встали на сторону Советского Союза, а не Соединенных Штатов во время холодной войны в соответствии с традиционной логикой баланса сил. Мы также не стали бы свидетелями появления «сообществ безопасности», состоящих, например, из стран Североатлантического региона, где идея вступить в войну друг против друга стала немыслимой [Deutsch et al. 1957].

⁵ См., например, [Джервис 2022; Kydd 2000; Kydd 2005; Edelstein 2002; Yoder 2019; Yoder, Haynes 2015].

⁶ Подробнее у [Goddard 2018b; Pu 2019; Yoder 2019].

Как мы можем сделать вывод о намерениях или мотивах государства? Мы делаем это, наблюдая за его поведением: его словами и поступками. В своем анализе мы прибегаем к различным поведенческим индикаторам, чтобы сделать вывод о намерениях и мотивах. Как только что было отмечено, эта попытка неизбежно сопряжена с трудностями и мошенничеством и связанными с ним ошибками. Более того, разумно, что разные люди могут прийти к разным выводам при рассмотрении одних и тех же фактов. Поэтому важно четко и прозрачно изложить свои доказательства и логику, используемую для их интерпретации. Поскольку каждое отдельное доказательство может быть сомнительным, мы будем использовать совокупность показателей из различных источников. Эта совокупность должна вызывать больше доверия, чем отдельные случаи. Мы также должны быть более твердыми, когда оцениваем имеющиеся данные, чтобы сравнить прошлое и нынешнее поведение государства, а также когда сравниваем его поведение с поведением других государств. Подробнее об этом мы поговорим в главе 3. Несмотря на то что делать выводы о намерениях государств сложно, а также несмотря на то, что среди аналитиков могут сохраняться разногласия, важно делать такие выводы, основываясь на систематических данных, а не на риторических утверждениях.

Как уже говорилось, мы не можем обойти стороной трудности, связанные с выяснением намерений государств, поскольку этот аспект является основополагающим для любой попытки объяснить и предсказать их поведение. Он находится в центре дискурсов и дебатов о международных отношениях⁷. Например, в нашем последующем обсуждении теории перспектив мы утверждаем, что на намерения должностных лиц влияет то, находятся ли они в области выгод или потерь; эта теория предполагает, что люди мотивированы идти на больший риск, когда стремятся предотвратить или компенсировать потери, но склонны действовать более осторожно, когда пытаются сохранить выгоды. Понимание

⁷ Например, у [Brooks 1997; Edelstein 2002; Goddard 2018b; Jervis 1978; Kydd 2000; Rosato 2014/2015].

намерений партнеров, очевидно, также необходимо для выработки разумной политики по отношению к ним. Поэтому, расширяя этот пример, мы предлагаем в рамках дальнейшего обсуждения последствий для политики предположить, что заверения будут более разумным подходом, чем угрозы, когда речь идет о партнере, который боится потерпеть неудачу (в отличие от партнера, который пытается извлечь свою выгоду).

Ошибочные суждения или умозаключения о намерениях другого государства могут иметь свои последствия. Говоря языком статистического анализа, мы должны признать риск совершения ошибок первого и второго типа, то есть опасность принять «ревизионистское» государство за «статус-кво», а также опасность не распознать «статус-кво государство» за тем, чем оно представляется в реальности, или спутать распределительного ревизиониста с ревизионистом радикальным⁸. Цитируя Ганса Моргентау:

Нация, которая принимает политику империализма за политику статус-кво, будет не готова противостоять угрозе своему существованию, которую влечет за собой политика другой нации. [Однако] нация, которая принимает политику статус-кво за политику империализма, своей непропорциональной реакцией вызовет ту самую опасность войны, которой она пытается избежать [Davis 2000: 40–41].

Невилл Чемберлен запомнился истории как человек, не сумевший распознать агрессивные амбиции Гитлера [Ripsman, Levy 2008]. И наоборот, Джон Фостер Даллес совершил противоположную ошибку, проигнорировав сигналы Москвы о разрядке в 1950-х годах⁹, тем самым упустив возможность положить конец холодной войне тремя десятилетиями ранее.

В этой книге мы попытаемся как следует разобраться в появлении ревизионистских государств и их стратегий — особенно

⁸ [Ward 2017] вводит это различие в дополнение к третьей категории, которую он называет нормативным ревизионизмом; мы обсудим первые два типа позже.

⁹ См. [Holsti 1962].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru